

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДЕПОРТИРОВАННЫХ КАЛМЫКОВ В ИШИМСКОМ РАЙОНЕ ОМСКОЙ (ТЮМЕНСКОЙ) ОБЛАСТЕЙ

В статье изучены особенности повседневной жизни калмыков в условиях спецпоселения на территории Ишимского района Омской / Тюменской областей. На основе делопроизводственной документации органов государственной власти и спецслужб, материалов устной истории рассмотрены повседневные практики и бытовая организация жизнедеятельности депортированного калмыцкого населения. Авторы приходят к выводу, что региональная специфика является значимым фактором, определяющим модели выхода депортированного населения из кризисных ситуаций.

Ключевые слова: калмыки, повседневная жизнь, Великая Отечественная война, репрессии, депортация, спецпереселенцы.

Великая Отечественная война стала духовной скрепой для современных россиян. Но ее отдельные аспекты травмоопасны для сознания и в этой связи нуждаются в особенно бережном изучении в целях их правдивого отражения и при этом в недопущении исторических спекуляций. К таким сюжетам относится и депортация калмыков — народа, потерявшего в ходе репрессий малую родину, дома, социальный статус, свободу. Они оказались в вынужденном изгнании со страшным по тем временам клеймом «предателей Родины» и статусом спецпереселенцев.

Практически на всем протяжении существования СССР тема карательной политики в отношении отдельных народов, проживавших на территории государства, оставалась под запретом. Перестройка стала предпосылкой для научного изучения депортации калмыцкого народа. Основопологающим трудом о депортации калмыков стала монография Н. Ф. Бугая, написанная на основе рассекреченных и впервые вводимых в научный оборот источников [1]. В конце 1990-х гг. наряду с изучением карательной политики советского государства историки стали обращаться к бытовой повседневности депортированных калмыков [2, с. 96]. На основе утверждения междисциплинарного подхода исследователи депортации калмыков стали проявлять интерес к эго-истории [3–5]. Естественно, что особо важна и болезненна проблема депортации калмыков для представителей этого народа. Ведь репрессии для калмыцких исследователей — зачастую драма рода. Именно они начали активно использовать в своих исследованиях познавательные возможности устной истории. Для таких работ характерен глубокий анализ психологического состояния депортированных, их эмоциональности, интерес к истории простого человека, к его бедам и трагедиям [6–8].

Одним из активно разрабатываемых современными историками сюжетов стало изучение различных аспектов жизни спецпереселенцев-калмыков

в регионах СССР. Привлекли внимание исследователей Омская и Тюменская области [9–11]. В годы Великой Отечественной войны этот регион включал огромную территорию современной Омской и значительную часть Тюменской областей. Естественно, что отдельные районы имели свою специфику социально-экономического развития и климатических условий. До августа 1944 г. Ишимский район был частью Омской области, но в связи с образованием Тюменской области, путем выделения в ее состав ряда районов Курганской и Омской областей, Ишимский район стал относиться к тюменскому региону. Несмотря на то, что на территорию Ишимского района было депортировано значительное число калмыков, в исторической науке до сих пор нет исследований, посвященных повседневности оказавшихся здесь спецпереселенцев.

Цель данной работы — охарактеризовать особенности повседневной жизни спецпереселенцев-калмыков в Ишимском районе Омской/Тюменской областей.

Основная часть. С ликвидацией Калмыцкой автономной республики с 28 декабря 1943 г. калмыков, признанных изменниками Родины, обвинили в коллаборационизме, массовом дезертирстве, грабеже колхозов и совхозов, выдаче фашистам советских граждан и стали насильственно переселять в Сибирь. Эту операцию с кодовым названием «Улусы» осуществляли органы НКВД. Всего было погружено в эшелоны 26 359 семей — 93 139 человек [12, с. 231]. Мужчины находились на фронте и большинством депортированных лиц были женщины, дети, старики и инвалиды. Поэтому, говоря о повседневности выселенных калмыков, имеются в виду преимущественно эти группы населения. Операция «Улусы» планировалась в соответствии с утвержденной 1 декабря 1943 г. в НКВД СССР инструкцией. Документ определял имущество, которое разрешалось взять с собой спецпереселенцам: это мелкий сельхоз- и бытовой инвентарь, одежда.

Каждая семья имела право взять продовольствия общим весом до 500 килограммов. Остальное имущество и скот подлежали сдаче при выселении [2, с. 96]. На деле правилами часто пренебрегали. Бывали случаи, когда людям не давали времени на сборы, запрещали брать с собой теплые вещи. Перепуганных и растерянных людей зачастую привозили на пункты сбора буквально под угрозой применения оружия. Писатель Тимофей Бембеев оставил лаконичное и правдивое описание безжалостного отношения к изгоняемым с родины калмыкам: «Переведи матери, — офицер кивнул на Ааку, — вас, как пособников немцев, решено сослать в Сибирь. Есть постановление правительства, так что даю 15 минут на сборы» [13, с. 83].

Людей сосредотачивали в сборных пунктах и откуда машинами привозили к подготовленным железнодорожным составам, где распределяли несчастных в вагоны-теплушки по 40–50 человек. Уже на этом этапе жизнь спецпереселенцев стояла под угрозой. В условиях транспортировки шанс выжить был у тех, кто успел собрать теплые вещи и взять продукты питания. Исследователь И. В. Лиджиева, рассматривая депортацию калмыков через восприятия детей-спецпереселенцев, обратилась к устным источникам. Ее респонденты вспоминали: «Не знаю, как спали мать и бабушка, но мы, дети, спали у них на руках, очень трудно было просыпаться: на ресницах и вокруг рта образовывался лед. Трудно и больно было открывать глаза. Помню, как я выдирала эти сосульки и эту ужасную боль», и «... я потеряла счет времени, сколько мы едем, бабушка старалась, чтобы я спала, так меньше чувствовался голод. Просыпалась, когда открывали дверь вагона на очередной станции и выносили трупы умерших людей. К ним относились спокойно, а ведь раньше боялись» [4, с. 69].

Примечателен гендерный аспект депортации, взаимосвязанный с национальным. Калмычки, состоящие в браке с русскими мужчинами, депортации не подвергались. И наоборот, русские женщины, вышедшие замуж за калмыков, должны были разделить судьбу мужа. Так, Зинаида Андреевна Михрякова вспоминает, что ее бабушка, русская женщина 80 лет от роду, отправилась в Сибирь вместе со своим мужем. Их репрессировали из села Вознесенка, что в 7 км от Элисты. Стариков не спасло даже то, что оба их сына погибли на фронте, защищая Родину от фашистов. «Бабуся умерла в первую же зиму в деревне Тёмной. Там она и похоронена в общей могиле со спецпереселенцами — калмыками». Родители Зинаиды Андреевны — Монжеев Анжа и Монжеева Мария были выселены из того же села. На сборы семье дали 20 минут. За это время они успели взять документы, тёплые вещи и немного продуктов. Так, супруги с двумя маленькими детьми и старыми родителями были доставлены на пункт сбора. «Отец говорил, что их привезли на станцию «Дивная», там погрузили в эшелоны и отправили в Сибирь» [14].

Условий в вагонах «теплушках» не было. Вот как дорогу в Сибирь вспоминает Т. С. Качанова: «В вагоне окошко маленькое было. Зима, холод, мороз. Такие морозы были жуткие. И ходили в медный тазик, и его выливали в окно. Но кто-то тазик выронил в окно, он вылетел от скорости. Там жалели его, кто-то чуть ли не плакал. Потом дыру сделали в вагоне, а посередине вагона была буржуйка. Какие-то там начальники райкомовские ехали, они лежали молча, они-то больше шокированы, про-

стой народ относился попроще» [2, с. 96]. Конечно, в таких антисанитарных условиях очень быстро распространился педикулез, а вслед за ним — тиф и другие инфекции. Отец рассказывал, — говорит Зинаида Андреевна, — что вагоны были переполнены, в пути началась вспышка дизентерии, много детей умерло в дороге» [14].

Депортированных калмыков сначала планировали расселить в сельскохозяйственные районы на юге Омской области. На региональные власти возлагались обязанности по принятию, размещению и трудоустройству 25 000 спецпереселенцев [12, с. 233]. Но вскоре ситуация изменилась. По Постановлению СНК СССР № 1432/425сс от 28 декабря 1943 г. часть калмыков, которых планировалось депортировать в южные районы Омской области, перенаправили в северные рыбопромышленные районы — на территорию современных Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) и Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), являвшихся в то время северной частью Омской области [12, с. 324]. Оставшиеся — женщины и дети — трудились в колхозах и совхозах различных районов Омской области. Всего сельскохозяйственные районы Омской области должны были принять 13143 депортированных калмыка. На долю Ишимского района властями было решено поселить 872 человека [15, л. 69].

Прибывших людей, истощенных и больных, по приезду повели в баню, дабы не допустить вспышек инфекций. Одежду очистили от вшей. Затем спецпереселенцев на подводах развезли по ближайшим колхозам. К сожалению, дурная слава бежала быстрее «теплушек» со спецпереселенцами. Накануне прибытия калмыков среди местного населения поползли слухи о том, что в Сибирь везут «людоедов». Подобные мифы ухудшали и без того тяжелое положение депортированных калмыков, переживших ужасы двухнедельной транспортировки в товарных вагонах. Первую встречу со спецпереселенцами Гавшаева (Гайкина) Зоя Матвеевна вспоминает так: «К нам в Лариху калмыков привезли ночью. Разместили их в клубе. С утра мы пошли смотреть на них. Было страшно. В деревне судачили, что привезли «людоедов» [16]. Интересным является то, что спустя годы Зоя Матвеевна и ее старшая сестра Нина не просто перестанут бояться калмыков, а, выйдя замуж за двух репрессированных, уедут на родину своих супругов — в далекую калмыцкую степь. Такой факт — яркое подтверждение того, что местное население, пусть и не сразу, но все же гуманно приняло переселенцев.

Первый год «сибирской эпопеи» для калмыков стал самым тяжелым. Зинаида Андреевна со скорбью в голосе вспоминала рассказы своих родителей о той первой сибирской зиме. «Тела умерших складывали под сараем. Раз в месяц приезжал оперуполномоченный НКВД и отмечал живых и умерших. Мёртвых активировали. Живые расписывались. И опять на месяц!» [14].

Не получив должной поддержки из центра, региональные власти вынужденно своими силами решали жилищный вопрос. Как правило, спецпереселенцев заселяли в дома к местным жителям. Эта практика широко применялась на юге Омской области. Подобное решение жилищной проблемы, хотя и имело ряд существенных недочётов, но облегчало жизнь приезжим. Сложнее ситуация была на севере. В некоторых местах депортированных селили в непригодные для жилья строения —

в подвалы, неотапливаемые сараи. Исследователь А. С. Иванов подчеркивает, что «в сознании жителей Обского Севера представление о калмыках как об обособленной этнической группе связано с понятием «калмыцкий барак». Особенно это характерно для рыбопромышленных районов, где многим калмыкам до возвращения на родину пришлось ютиться в помещениях барачного типа» [17, с. 215].

Чтобы выжить в Сибири, калмыки должны были адаптироваться к суровому климату и социализироваться. Этому препятствовали режим их проживания и тяжелые бытовые условия жизни. О первой встрече с Сибирью Б. М. Корнусов вспоминал: «Ночью нас привезли на станцию Омутинск Тюменской области, посадили в сани и снова повезли. Наверное, чтобы тепло было, нас на санях укрыли. Привезли в совхозный клуб и стали распределять. Мы попали в хорошую семью: мать с дочкой жили в большом доме, в которой было две комнаты: прихожая и горница. Нас поселили в горнице, а сами хозяева поселились в прихожей. В доме было тепло, хорошо. Они боялись нас. Дочь была такого же возраста, как и я. Она залезет на печку под самый потолок и сидит там» [18, с. 97]. О том, что местные боялись и отказывались селить переселенцев в свои дома, вспоминают многие калмыки. Но по природе своей добрые и сопереживающие сибиряки не могли оставить женщин и детей на улице в январские морозы. Во многих колхозах проблема с размещением спецпереселенцев была решена сразу. Зинаида Андреевна вспоминает, что домик, в котором они жили, состоял из двух маленьких комнат. Условий не было. «Мы с мамой спали на кровати, — рассказывает Зинаида Андреевна, — а папа с братьями на полу» [14]. Зоя Матвеевна вспоминает, что в Ларихе калмыков подсаляли в русские избы. Тяжелое материальное положение переселенцев, отсутствие вещей первой необходимости заставляли местных смягчиться. «Сначала мы их боялись, — говорит Зоя Матвеевна, — а потом стали жить дружно. Когда после войны калмыки уезжали, мы их провожали и плакали» [16]. А вот что рассказывает Зинаида Андреевна: «Сейчас уже нет очевидцев, а вот раньше у нас здесь жила баба Фая Долгушева. Она с калмыками доила много лет. По-калмыцки научилась говорить, калмыцкие песни пела и плясала» [14].

Показателем вскоре наступившего в сибирской деревне межнационального согласия, подразумевавшего взаимное обогащение культур, является то, что об уникальных свойствах калмыцкого чая, утоляющего жажду в жаркие дни и согревающего зимой, рассказали практически все респонденты. Зоя Матвеевна вспоминает, что девушки-доярки угощали ее таким чаем, когда они вместе работали на ферме [16]. Зинаида Андреевна отмечает, что пока родители были живы, в доме всегда был калмыцкий чай [14]. Важно подчеркнуть, что национальный чай для оторванных от родных мест людей стал своеобразным звеном, связывающим калмыков со своей традиционной культурой.

Обратимся к официальной документации, которая также свидетельствует о тяжелом быте калмыков-спецпереселенцев на территории Омской области. Органы НКВД многократно обращались к областному партийно-государственному руководству с целью обратить внимание на неудовлетворительные условия жизни депортированных калмыков. Вот что пишет об этом полковник гос-

безопасности М. Е. Захаров, начальник УНКВД по Омской области секретарю обкома ВКП(б): «Улучшений нет, а, наоборот, положение с каждым днем ухудшается. Калмыки живут скученно и совершенно в непригодных для жилья помещениях. На местах о перечисленных серьезных недостатках известно — однако районные и партийно-советские организации мер к устранению их не принимают» [10, с. 9]. Схожую информацию дает и докладная записка секретаря Называевского РК ВКП(б) Гриценко в обком ВКП(б). Он пишет, что большинство спецпереселенцев находятся в истощенном состоянии, в результате недоедания в совхозе «Искра» погиб 21 человек, а в колхозе «Стрункенском» — 14 человек. Плохое снабжение продуктами питания объясняется прежде всего тем, что в январе и феврале на спецпереселенцев фонды зерна не получали, к тому же совхозы недополучали большое количество продовольственного хлеба для рабочих совхоза [11, с. 72]. Пытаясь облегчить положение депортированных калмыков, чекисты проявили настойчивость и добились принятия Омским обкомом ВКП(б) 8 марта 1944 г. специального постановления «О состоянии хозяйственного устройства и материально-бытового положения спецпоселенцев-калмыков», направленного на исправление ситуации. В этом постановлении на конкретных примерах было описано ужасное положение депортированных калмыков, и Ишимский район приводился в качестве одного из наиболее проблемных, так как там имелись «множественные всплески сыпного тифа. Медицинская помощь во многих случаях не оказывается, санитарное обслуживание спецпоселенцев-калмыков отсутствует». В целом по области «имелось много случаев опухания и смертности на почве недоедания. Спецпереселенцы-калмыки употребляют в пищу трупы павших животных, занимаются нищенством и попрошайничеством, а в ряде мест — хищением скота в колхозах, у колхозников, рабочих служащих» [19, л. 96–97].

Подчеркнем, что такое положение спецконтингента характерно для всей территории Омской области. В некоторых местах наблюдались и явные нарушения, приводившие к трагедиям. «В Стрункенском совхозе т. Постников 60 кг крупы, предназначенной для спецпереселенцев, выдал руководящему составу совхоза, в том числе себе 9 кг. Не были созданы и другие условия спецпереселенцам. Квартиры не оборудованы, бани не работали. Все это вместе взятое создало просто нетерпимую обстановку. Бюро РК ВКП(б) вынуждено было по Стрункенскому совхозу принять решение о привлечении виновных к судебной ответственности и приняло ряд мер по наведению порядка и созданию нормальных условий спецпереселенцам» [11, с. 73].

В тяжелом материально-бытовом положении оказались депортированные лица в селе Песьяново Ишимского района. «Директор колхоза товарищ Савичев проявляет бездушное отношение к насущным нуждам спецпереселенцев-калмыков. В течение апреля и мая 1944 года умерло 20 человек, больными имелось 22 человека. Медицинское обслуживание организовано не было» [20, л. 10]. Отметим, что в Песьяново так же были зафиксированы случаи избивания спецпоселенцев-калмыков. «Управляющий фермой № 2 Галеев позволяет производить незаконные обыски у них на квартирах, за невыход на работу избивает [20, л. 10].

Таким образом, в первом случае голод среди приезжих произошел не по вине руководства. Нужно испытывали все — и местные, и приезжие. А вот случаи, произошедшие в Называевске и Песьяново, — пример вопиющего нарушения закона, которое привело к высокой смертности среди спецпереселенцев.

Но подобные негативные прецеденты в значительной мере компенсировались добротой сибиряков. Большинство людей к высланным относились с состраданием. Многие депортированные вспоминают о душевности местного населения. «Люди в совхозе были хорошие, очень гостеприимные, можно сказать. Сначала они думали, что мы «людоеды». Дразнили нас: «Калмык свинину не ест». Они думали, мы как мусульмане. Нас неплохо принимали. Нельзя говорить о них плохо. Первые два года были очень трудные. Без помощи местных мы бы не выжили. Я не помню, чтобы нас обижали [18, с. 99]. «Конечно, люди разные были, — говорит Зинаида Андреевна, — отец рассказывал, что на Латынцево управляющий бил их кнутом. А вот в Екатериновку отец попал, там хорошие люди были, помогали чем могли. Отец тоже, хоть и плохо видел, людям помогал: огороды копал руками, дрова пилил. На ручной двухколесной телеге возил женщинам дрова. Они ему картошки, покушать дадут. Вот так и выживали. Мама в Екатериновке овец пасла. А потом стала шить на заказ. Женщины-калмычки мастерицами были» [14].

Важно подчеркнуть, что в Сибири значительно изменилось положение калмыцкой женщины. Исследователь А. С. Иванов отмечает, что к началу войны преобладала патриархальная модель, главой семьи был старший мужчина. Но на поселения традиционная сфера ответственности калмычки расширилась. Калмычке приходилось материально обеспечивать семью, неся за нее ответственность, — по факту быть главой семьи, выполняя функцию, традиционно принадлежащую мужчине. Навязанный государством «гендерный контракт» превратил калмычку в работающую мать. От нее теперь требовалось как «женское природное предназначение», так и «общественно полезный» труд [17, с. 212].

Изменение гендерных ролей было не единственным следствием депортации. Оказавшиеся в Сибири калмыки лишились единого культурного пространства. Дети, родившиеся в депортации, не чувствовали себя принадлежащими к определенной территории. Молодежь утратила общность и историческую память. Взрослое поколение, рожденное и выросшее на родной земле, всячески пыталось сохранить национальную культуру. Но в условиях спецпоселения сделать это было практически невозможно. Конечно, несмотря на «изгнание», калмыки пытались сохранить свои традиции. За тысячу километров от своей малой родины калмыцкие женщины готовили национальные блюда, приучая детей к традиционной кухне, расширяя гастрономические вкусы местного населения. Спецпереселенцы бережно относились к обрядам и традициям своего народа, тайно отмечали на чужбине национальные праздники. Так, Зоя Матвеевна вспоминает о весеннем празднике, а вот Зинаида Андреевна рассказывает, что родители отмечали калмыцкий новый год — белый месяц. Старшее поколение старалось передать детям, выросшим в Сибири, любовь к своей малой родине, ее культуре и истории. «У нас, в Калмыкии, эпос есть — Джангр, — вспоминает Зинаида Андреевна, — я вот помню: маленькая, лежим, а отец

рассказывает. А на завтра опять прошу его, чтобы дальше рассказал про богатырей. Он весь эпос наизусть знал» [14].

Почти все калмыцкие семьи в Сибири стали двуязычные, а затем русский язык постепенно вытеснял калмыцкий. Этому способствовало то, что распоряжением советского правительства от 20 июня 1944 г. обучение калмыков должно было проводиться на общих основаниях на русском языке [21, с. 222]. В результате в депортации появилось поколение русскоязычных калмыцких детей [17, с. 213].

В течение веков буддизм «оказывал влияние на ментальность и образ жизни калмыков, на формирование мировоззрения, на становление и развитие государственности и национального самосознания» [3]. В Сибири в калмыцких семьях имелись молитвенные лампадки, хранились рукописные списки буддийской литературы, но поддержание религиозной традиции было задачей старшего поколения. Задача эта в сибирских условиях стала непосильной, и, как отмечает Е. Л. Зберовская ссылаясь на Э.-Б. М. Гучинову, маленькие спецпереселенцы ее почти не наследовали [3, с. 48]. Несмотря на религиозные запреты, калмыки тайно продолжали сохранять в своей повседневной жизни буддийские обряды. «Я помню, перед сном отец что-то скажет, молитву, видимо, какую-то. Я спрашиваю: а что вы говорили? А он мне: да так, помолится немного» [14]. Это воспоминание наглядно демонстрирует угасания буддийской традиции в среде спецпереселенцев. Если старшее поколение в тайне соблюдало религиозные традиции, то для подрастающего поколения религия стала табу.

Традиционно до спецпоселения калмыки занимались скотоводством. Адекватной замены в условиях ссылки традиционному хозяйственно-культурному типу не нашлось. Следует отметить, что калмыки, находящиеся на спецпоселении в Ишимском районе, активно привлекались к работе в животноводческой сфере. Данный факт здесь благоприятным образом влиял на процесс адаптации калмыков. Подчеркнем, что забрать с собой в изгнание скот калмыкам запретили. Людям обещали, что по приезде им все возместят, но на деле оказалось иначе. В октябре 1944 г. выдача скота составляла 63 %, но и в этом случае не оказывали помощь для сохранения животных, скот не обеспечивали кормами и утепленными стойлами. В этих условиях распространен был убой и продажа скота [12, с. 238].

Во многих районах Омской области фиксировались случаи поедания трупов животных. Люди вынужденно ели мертвечину, многим нечем было кормить детей. Из-за бедственного положения распространена была практика изъятия детей из семей. Этот трагический факт, с одной стороны, сохранил многим детям жизни, но, с другой — навсегда разорвал крепкие родовые узы. «Помимо моего мужа в семье было еще трое детей, — рассказывает Зоя Матвеевна, — их вместе с матерью привезли в Лариху. Её оставили, а их повезли дальше на север, за Сургут, по детским домам. После того, как калмыкам разрешили уехать из Сибири, его брат Эльга их всех нашел и вернул на родину» [16]. Зинаида Андреевна вспоминает, что её братьев изъяли из семьи и развезли по детским домам. «Среднего отец забрал, его в Ишим увезли. А вот старшего забрать не удалось. Отец слепой, мать по-русски не говорит. Куда они поедут? В 1960-х годах после армии он к нам заезжал. Я тогда в 6-м классе училась, а после этого мы не виделись. Наверное,

обида была на родителей» [14]. Такие случаи подчеркивают горечь калмыцких матерей, потерявших в депортации своих детей. Высока была и смертность среди новорожденных. Конечно, сказывались тяжелые материальные условия, плохие жилищные условия и скудное питание. Зинаида Андреевна рассказывает, что в Сибири родители похоронили в младенчестве четверых детей. «До меня у родителей еще рождались дети. Они все умерли маленькими. Похоронили их на погосте в Екатериновке. Там потом рядом с ними и родителей похоронили» [14].

17 марта 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении». В результате калмыки массово устремились на родину. В течение 1957–1959 гг. из различных районов Сибири, Средней Азии и Казахстана в родные степи возвращалось 18 158 семей (72 665 чел.). Преобладающее большинство трудоспособного населения (21 923 чел.) стало работать в совхозах и колхозах, на транспорте и в учреждениях [2, с. 96]. «После того как калмыкам разрешили уехать, они уехали все. Мы единственные остались, — рассказывает Зинаида Андреевна, — к отцу приходили, прощались. Он к тому времени совсем ослеп. Куда мы поедем? По родине он сильно тосковал. Бывало, выйдет весной, вдыхает воздух и говорит, что в степи дышится по-другому. Хотя отец очень любил русские березы и ему нравились местные леса. А вот мне роднее сибирской берёзы уже ничего нет» [14].

Заключение. Депортация в корне изменила жизнь калмыцкого народа. Спецпереселенцы оказались в совершенно иных климатических и географических условиях, столкнулись с людьми, являющимися носителями иных культурных и хозяйственных норм. Депортированные были вынуждены в кратчайшие сроки изменить не только традиционный хозяйственный уклад, но и устоявшиеся социальные роли. В условиях депортации резко возросли функции женщины. В Сибири на плечи калмычек легла ответственность за детей и стариков. Женщина стала не только хранительницей домашнего очага, но и активным участником экономических и социальных отношений. Первостепенной задачей стали заботы материального характера: как прокормить семью, во что одеть детей. Природная выносливость в совокупности с силой воли позволили депортированным женщинам сберечь подрастающие поколения. Отсюда и желание передать детям родную историю и традиции, приобщить подрастающее поколение к национальной калмыцкой культуре.

На основе представленных эго-историй складывается сложный и значительно отягощенный различными факторами образ жизни спецпереселенцев-калмыков на Ишимской земле. Отметим, что в Ишимском районе на спецпоселении проживали преимущественно женщины и дети. Не будучи отправлены на север области, они лучше адаптировались к новым условиям. Не последнюю роль в этом процессе сыграл тот факт, что на территории Ишимского района калмыки активно привлекались к работе в традиционной для степняков сфере — животноводстве.

На территории Ишимского района калмычки-спецпоселенки столкнулись с рядом проблем, первостепенная — продовольственное обеспечение семьи. Эту задачу каждодневно были вынуждены решать как спецпоселенцы, так и местные жен-

щины. В условиях военного времени значительно обострилась продовольственная проблема, решению которой посвящен труд сибирских женщин и детей, а после депортации — и труд калмыцкого населения. Постановка калмыков на центральное карточное снабжение растянулось на несколько месяцев. Этот факт привел к высокой смертности среди привезенных людей. Продовольственной помощи от государства калмыки в необходимом объеме не получили.

Опираясь на документы органов государственной власти и советских спецслужб, можно сказать, что продовольственное снабжение спецпереселенцев было организовано с перебоями, в некоторых местах имели место явные нарушения законодательства. Но и без этого снабжение спецконтингента стало непосильным бременем для местной экономики. В условиях колоссального дефицита провизии спецпереселенцы вынужденно сами искали способ выхода из продовольственного кризиса. Ишимский район не стал исключением. Главными источниками продуктов питания для депортированных людей стал бартер, а основной «валютой» — картофель. Именно на него спецпереселенцы меняли и без того скудные запасы, привезенные из Калмыкии. Респонденты вспоминают, что дети ходили по домам и просили продукты, собирали мерзлый прошлогодний картофель на полях. А взрослые выполняли различные работы, за которые им платили продуктами питания.

Но такого рода экономические отношения стали возможны только после преодоления сибиряками барьера «свой-чужой» и страха перед приезжими. И особую роль в адаптации сыграл тот факт, что Ишимский район — территория многонациональная, где на протяжении многих лет представители разных культур проживали на одной земле и взаимодействовали между собой. Подвергшиеся насильственному выселению калмыки не стали исключением и в течение нескольких лет влились в многонациональную общность.

Другим важным источником пищи стала богатая своими дарами природа Сибири. Близость района к водным и лесным объектам давала возможность местному населению заниматься собирательством, рыбалкой, мелкой охотой. Это в некой степени компенсировало калмыкам нехватку продовольствия. Но в первый год после депортации калмыки не могли использовать этот ценный ресурс. Во-первых, их привезли в середине зимы, а во-вторых, они не обладали должными навыками и умениями. Привезенные из степи люди просто не были приспособлены к условиям Сибири. Они были носителями совершенно других хозяйственных и культурных знаний, оказавшимися практически бесполезными в условиях Севера. Являясь скотоводами, калмыки очень сложно адаптировались к местным реалиям, а в частности, к огородничеству, которое являлось важным источником продовольствия для сибиряков. В рыбопромышленных районах скудная северная природа не давала такого простора для присваивающего хозяйства, обрекая депортированных лиц на куда более жесткие условия выживания.

Лучшая бытовая и культурная адаптация калмыков на юге Омской (Тюменской) области, и в частности, в Ишимском районе, стала возможной, благодаря решению жилищного вопроса путем уплотнения местного населения. Гуманное отношение русского населения помогло калмыкам в обустройстве и взаимообогащении двух народов

на культурном уровне. Важную роль здесь сыграла в целом мирная ментальность и общая духовность калмыков. Да, не для всех сбылась заветная мечта о возвращении в родные степи, но, в итоге, вопреки всяким невзгодам в непростых условиях Сибири, калмыки выжили и в массе своей смогли вновь окаяться на малой родине.

Библиографический список

1. Бугай Н. Ф. Операция «Улусы» (Трагические страницы в истории Калмыкии конца 20-х – начала 50-х гг.). Элиста: б. и., 1991. 88 с.
2. Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943–1957 гг.: моногр. Элиста: Изд-во Санан, 1991. 96 с.
3. Зберовская Е. Л. Калмыки-спецпереселенцы в Сибири: проблемы сохранения этнической идентичности в условиях депортации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. Т. 6, № 3. С. 46–51. EDN: RSAZVN.
4. Лиджиева И. В. Депортация калмыков 1943–1944 годов через восприятие детей-спецпереселенцев // Новые исследования Тувы. 2014. № 2. С. 67–74. EDN: SEFOVR.
5. Лиджи-Горяева С. Э. Калмыки: возвращение (К 75-летию со дня депортации калмыков) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2018. № 2 (37). С. 74–77. DOI: 10.24411/2071-7830-2018-10025. EDN: UFKMUB.
6. Басангова Т. Г. Детский фольклор калмыков периода депортации (1943–1957 гг.) // Репрессированные народы: история и современность: материалы Всерос. науч. конф. (Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Элиста: Изд-во Калмыцкого гос. ун-та, 2013. Т. 1. С. 254–257. EDN: QNLCSXZ.
7. Намруева Л. В. Что знает молодежь о депортации калмыков (по итогам соцопроса 2018 г.) // Принудительное переселение калмыцкого народа в восточные регионы СССР — горькая трагедия XX века: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Элиста, 26 декабря 2018 г.). Элиста: Изд-во Калмыцкого гос. ун-та, 2019. С. 56–59. EDN: HMXWZS.
8. Гучинова Э. Б. М. Как калмыки рассказывают о депортации: дискурсивные стратегии нарратива // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 30–52. DOI: 10.17223/2312461X/32/2. EDN: YHFJKA.
9. Иванов А. С. Калмыки на территории Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны: труд на спецпоселении // Северный регион: наука, образование, культура. 2010. № 1 (21). С. 19–26. EDN: VSQNVZ.
10. Авлиев В. Н., Надбитов М. В. Проблемы трудоустройства калмыков-спецпереселенцев в восточных регионах СССР (на примере Омской области) // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 4 (44). С. 6–12. EDN: WYRZBG.
11. Авлиев В. Н., Батыров В. В., Лиджеева К. Ф. [и др.]. Демографические потери калмыцкого народа в первые месяцы

депортации на примере Омской области: причины и условия // Genesis: исторические исследования. 2019. № 12. С. 67–75. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.12.31730. EDN: TRQJQJ.

12. Невольные сибиряки. Книга памяти депортированных в Омскую область. Омск: Омскбланкиздат, 2017. Т. 1. 324 с. ISBN 978-5-8042-0529-5.
13. Бембеев Т. О. Дни, обращенные в ночи: повести / предисл. Н. Д. Санджиева. Элиста: Джангар, 2004. 83 с.
14. Беседа с Михряковой (Манжеевой) З. А. 1951 г.р. // Архив А. А. Фроловой.
15. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3833.
16. Беседа с Гавшаевой (Гайкиной) З. М. 1938 г.р. // Архив А. А. Фроловой.
17. Иванов А. С. Калмыки в Западной Сибири (1944–1956 гг.): особенности социализации на спецпоселении // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 210–217.
18. Гучинова Э. Б. Депортация калмыков в Сибирь (1943–1956 гг.): устные рассказы как мягкие формы памяти // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (45). С. 95–100. DOI: 10.37386/2413-4481-2020-4-95-100.
19. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 16. Д. 24.
20. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П-49. Оп. 1. Д. 109.
21. Шадт А. А. Национальная политика в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Зап. Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск: Наука-Центр, 2004. 293 с.

ФРОЛОВА Алена Алексеевна, аспирант кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск.
SPIN-код: 6757-8677
AuthorID (РИНЦ): 1005596
Адрес для переписки: alenafr93@mail.ru

Для цитирования

Фролова А. А. Повседневная жизнь депортированных калмыков в Ишимском районе Омской (Тюменской) областей // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 3. С. 42–49. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-42-49.

Статья поступила в редакцию 01.09.2023 г.

© А. А. Фролова

DAILY LIFE OF DEPORTED KALMYKS IN THE ISHIM DISTRICT OF OMSK (TYUMEN) REGIONS

The article examines the features of the daily life of Kalmyks in the conditions of special settlement on the territory of the Ishim district of the Omsk / Tyumen regions. On the basis of the office documentation of state authorities and special services, materials of oral history, the daily practices and everyday organization of the life of the deported Kalmyk population are considered. The authors conclude that regional specificity is a significant factor determining the patterns of the deported population's exit from crisis situations.

Keywords: Kalmyks, everyday life, the Great Patriotic War, repressions, deportation, special settlers.

References

1. Bugai N. F. Operatsiya «Ulusy»: (Tragicheskiye stranitsy v istorii Kalmykii kontsa 20–kh – nachala 50–kh gg.) [Operation «Uluses» (Tragic pages in the history of Kalmykia in the late 20s–early 50s)]. Elista, 1991. 88 p. (In Russ.).
2. Ubushaev V. B. Kalmyki: vyseleniye i vozvrashcheniye 1943–1957 gg. [Kalmyks: eviction and return 1943–1957]. Elista, 1991. 496 p. (In Russ.).
3. Zberovskaya E. L. Kalmyki–spetspereselentsy v Sibiri: problemy sokhraneniya etnicheskoy identichnosti v usloviyakh deportatsii [Kalmyks forced resettlers in Siberia: problems of preservation of the ethnic identity in the deportation's conditions] // Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovaniy RAN. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2013. Vol. 6, no. 3. P. 46–51. EDN: RSAZVN. (In Russ.).
4. Lidzhiyeva I. V. Deportatsiya kalmykov 1943–1944 godov cherez vospriyatiye detey-spetspereselentsev [Deportation of kalmyks in 1943–1944 over the prism of deported children's perception] // Novyye Issledovaniya Tuvy. *The New Research of Tuva*. 2014. No. 2. P. 67–74. EDN: SEFOVR. (In Russ.).
5. Ligi-Goryaev S. E. Kalmyki: vozvrashcheniye (k 75–letiyu so dnya deportatsii kalmykov) [Kalmyks: return (to the 75th anniversary of the deportation of the Kalmyks)] // Vestnik Instituta Kompleksnykh Issledovaniy Aridnykh Territoriy. *Bulletin of the Institute of Complex Studies of Arid Territories*. 2018. No. 2 (37). P. 74–77. DOI: 10.24411/2071-7830-2018-10025. EDN: UFKMUB. (In Russ.).
6. Basangova T. G. Detskiy fol'klor kalmykov perioda deportatsii (1943–1957 gg.) [Children's folklore of the Kalmyks of the deportation period (1943–1957)] // Repressirovannyye narody: istoriya i sovremennost'. *Repressed Peoples: History and Modernity*. Elista, 2013. Vol. 1. P. 254–257. EDN: QNLCXZ. (In Russ.).
7. Namrueva L. V. Chto znayet molodezh' o deportatsii kalmykov (po itogam sotsoprosa 2018 g.) [What young people know about the deportation of Kalmyks (based on the results of a 2018 opinion poll)] // Prinuditel'noye pereseleniye kalmytskogo naroda v vostochnyye regiony SSSR — gor'kaya tragediya XX veka. *Forced Relocation of the Kalmyk People to the Eastern Regions of the USSR — a Bitter Tragedy of the XX Century*. Elista, 2019. P. 56–59. EDN: HMWXZS. (In Russ.).
8. Guchinova Elza-Bair M. Kak kalmyki rasskazyvayut o deportatsii: diskursivnyye strategii narrativa [How kalmyks talk about deportation: discursive narrative strategies] // Sibirskiy Istoricheskiy Issledovaniya. *Siberian Historical Research*. 2021. No. 2. P. 30–52. DOI: 10.17223/2312461X/32/2. EDN: YHFJKA. (In Russ.).
9. Ivanov A. S. Kalmyki na territorii Omskoy i Tyumenskoy oblastey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: trud na spetsposelenii [Kalmyks on the territory of Omsk and Tyumen regions during the Great Patriotic War: work in a special settlement] // Severnyy Region: Nauka, Obrazovaniye, Kul'tura. *Severnnyy Region: Nauka, Obrazovanie, Cultura*. 2010. No. 1. P. 19–26. EDN: VSQNVZ. (In Russ.).
10. Avliev V. N., Nadbitov M. V. Problemy trudoustroystva kalmykov-spetspereselentsev v vostochnykh regionakh SSSR (na primere Omskoy oblasti) [Labor issues for kalmyks deported to eastern part of the Soviet Union (on the example of Omsk oblast)] // Vestnik Kalmytskogo Universiteta. *Bulletin of Kalmyk University*. 2019. No. 4 (44). P. 6–12. EDN: WYRZBG. (In Russ.).
11. Avliev V. N., Batyrov V. V., Lidzheeva K. F. [et al.]. Demograficheskiye poteri kalmytskogo naroda v pervyye mesyatsy deportatsii na primere Omskoy oblasti: prichiny i usloviya [Demographic losses of the kalmyk people in the first months of deportation on the example of Omsk oblast: reasons and circumstances] // Genesis: Istoricheskiy Issledovaniya. *Genesis: Historical Research*. 2019. No. 12. P. 67–75. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.12.31730. EDN: TRQJQJ. (In Russ.).
12. Nevol'nyye sibiryaki. Kniga pamyati deportirovannykh v Omskuyu oblast' [Involuntary Siberians. The Book of memory of those deported to the Omsk region]. Omsk, 2017. Vol. 1. 324 p. ISBN 978-5-8042-0529-5. (In Russ.).
13. Bembeev T. O. «Dni, obrashchennyye v nochi»: povesti [«Days turned into nights»: novels]. Elista, 2004. 83 p. (In Russ.).
14. Conversation with Mikhryakova (Manzheeva) Z. A. born in 1951 // Arkhiv A. A. Frolovoy. *Archive of A. A. Frolova*. (In Russ.).
15. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk region (HAOR)]. File: П-17/1/3833. (In Russ.).
16. Conversation with Gavshaeva (Gaikina) Z. M. born in 1938 // Arkhiv A. A. Frolovoy. *Archive of A. A. Frolova*. (In Russ.).
17. Ivanov A. S. Kalmyki v Zapadnoy Sibiri (1944–1956 gg.): osobennosti sotsializatsii na spetsposelenii [Kalmyks in Western Siberia (1944–1956): features of socialization in a special

settlement] // Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2011. No. 2 (15). P. 210–217. (In Russ.).

18. Guchinova E. B. Deportatsiya kalmykov v Sibir' (1943–1956 gg.): ustnyye rasskazy kak myagkiye formy pamyati [Deportation of the kalmyks to Siberia (1943–1956): oral stories as soft forms of memory] // Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. *Vestnik Altayskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2020. No. 4 (45). P. 95–100. DOI: 10.37386/2413-4481-2020-4-95-100. (In Russ.).

19. IAOS [HAOR]. File: П-17/1b/24. (In Russ.).

20. Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti [State Archive of Socio-political History of the Tyumen region]. File: П-49/1/109. (In Russ.).

21. Shadt A. A. Natsional'naya politika v Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [National policy in Siberia during the Great Patriotic War] // Zapadnaya Sibir' v Velikoy Otechestvennoy Voyne (1941–1945gg.). *Western Siberia in the Great Patriotic War (1941–1945)*. Novosibirsk, 2004. 293 p. (In Russ.).

FROLOVA Alena Alekseevna, Graduate Student of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk. SPIN-code: 6757-8677
AuthorID (RSCI): 1005596
Correspondence address: alenaf93@mail.ru

For citations

Frolova A. A. Daily life of deported Kalmyks in the Ishim district of Omsk (Tyumen) regions // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 42–49. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-42-49.

Received September 01, 2023.

© A. A. Frolova